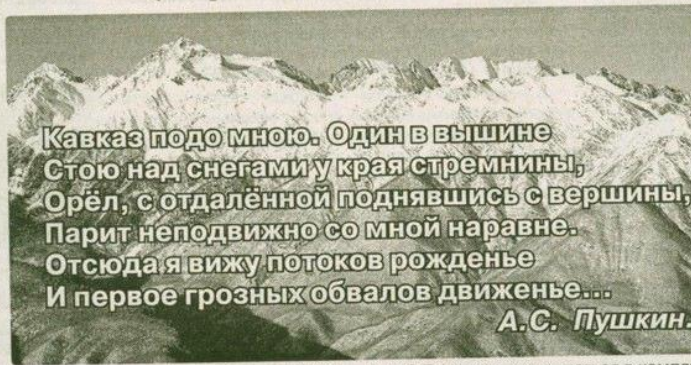

ПУШКИН У ЕРМОЛОВА

(отрывки из очерка)

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины,
Орёл, с отдалённой поднявшись с вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отсюда я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье...

А.С. Пушкин.

Шёл май 1829 года.
— С Богом! — Пушкин перекрестился, сел в коляску и покатил на юг.
Кучер был бодр, кони резвы, слуга провизию уложил надёжно. Подорожная, выданная чиновнику 10-го класса до Тифлиса и обратно, позволяла смело требовать на каждой почтовой станции свежих лошадей.

От просторов веяло волей.
Стеллились поля, в новую зелень одевались леса, мелькали деревни, крытые соломой, строго пропльвали полосатые вёрсты.

И всё-таки воли не было.
В деревнях жили крестьяне, которыми

ехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого и набожного старика, что он не принимает одних городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал...

А вот что в 1828 году писал в своём доношении генералу Бенкендорфу начальник жандармского управления в Орле подполковник М.Н. Жемчужников: «Генерал Ермолов живёт уединённо, но иногда посещает театр, всегда в чёрном фраке и без орденов: так он был на балу у губернатора 31 декабря, что дало повод различ-

ить? Пришлось рассыпаться в комплиментах.

— Слава о музее вашей по всей Руси победным маршем прошла.

— Не менее счастлив слышать похвалу от героя, чья слава принадлежит России, — звонко ответил поэт, качнув чёрнокудрявой головой.

— Тронут весьма, — улыбнулся Алексей Петрович. — Добро пожаловать в мой кабинет.

Пушкин увидел шкафы с книгами. Захотелось говорить просто, непринуждённо, будто век знакомы.

— Как доехали? — спросил хозяин.

— Сделал двести вёрст лишних, — от этих гордились. Хотя казак там редкость — генерал в отставке.

— Ну редкость не редкость, уважаемый Алексей Петрович, — с лёгкой улыбкой увлекал Пушкин хозяина в долгий разговор. — А с интересным человеком провести час-другой дорогого стоит.

— Наверное, уже кое-что узнали обо мне? — хитро прищурился Ермолов.

— Узнал. Вот, к примеру, слышал, что Ермолов нигде не бывает, кроме как у отца своего, что не принимает он...

— Одних только городских чиновников, — подхватил генерал, качнувшись в кресле, отчего оно жалобно скрипнуло.

По лицу прошла язвительная улыбка. И тут же — тихо, вполне серьёзно:

— А всякому другому доступ свободен. Только так, сударь мой драгоценный. Ермолов задумался.

Лицо его сделалось прекрасным. Пушкин принялся внимательно рассматривать своего собеседника, запоминая каждую черточку. Вспоминал его портреты. Не нашёл ни малейшего сходства. Лицо круглое, глаза серые, огненные, седые волосы дыбом. Голова? Господи! Как описать такое грозное вместилище разума? Это же голова тигра на Геркулесовом торсе.

Проницательный поэт, наблюдая за Ермоловым, пришёл к выводу, что он «не терпеливо сносит своё бездельствие».

«Думаю, — читаем в «Путешествии в Арзрум», — что он пишет или хочет писать свои записки».

Видимо, думая об этом, Пушкин ввёл в разговор тему «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Быть может, увидел тома у хозяина кабинета. Ермолов сказал:

— Я желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу.

Поэт догадался, что речь идёт уже не столько о Карамзине, сколько о взглядах самого Ермолова на роль летописца. Пушкин заметил:

— Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей...

Говорили о Кавказе, горцах, вспомнили Грибоедова, его гибель. Темнее тучи был генерал, когда говорил:

— Я делал всё, что мог, но увя. Отняли у человека жизнь в самом расцвете. Не уберечь, не заботы уберечь. А вель в

ти и глубокие старушки, самый дорогой — добрые молодцы и девицы красные.

Торговали до войны с Наполеоном, торговали и потом.

— Надо отменить крепостное право! — раздали голоса.

Царь Александр Первый молчал. Так и умер, ничего не решив. Тогда самые смелые вышли в Петербурге на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года и решили сделать Россию республикой. Их прозвали декабристами. Ждали они руководителя, но тот не явился.

Надеялись, что с Кавказа генерал А.П. Ермолов свой корпус приведёт на подмогу.

Но этого не случилось.

— Не пойду против своих, — сказал Алексей Петрович.

Пойти не пошёл, с присягой новому царю Николаю Первому медлил. Не понравилось это императору. Вот он и уволил великого полководца из Тифлиса. Тот сел в рогожную кибитку и поехал в родную Орловскую губернию.

— Не верю я Ермолову! — скрипел зубами государь...

Отправляясь в дальнюю поездку, Пушкин хотел увидеть Ермолова. Вновь и вновь перечитываем начало «Путешествия в Арзрум»:

«Из Москвы поехал я на Калугу и сделал таким образом 200 вёрст лишних:

ха. Мрачный его вид, избыточающий душевное беспокойство, явно противоречит хладнокровному тону, с коим он рассказывает приятности своей настоящей жизни, будто давно им желаемой...»

В одном из писем Ермолов рассказывал верному приятелю: «Я здоров, живу со стариком моим в деревне, нашёл его уже слабым; но, сколько могу, служу ему утешением. Привыкаю к новому состоянию моему и благодаря Богу нахожу средства быть им довольным. Давно расстался со многими мечтами, и ближайшее рассуждение о них обуздывает прежних лет молодые страсти. Первого злодея — честолюбие — гоню из обиталища моего, редко уже беседует со мной льстивая подруга — надежда...»

Коляска с Пушкиным вновь появилась у ворот белого дома Ермолова. Поэт вышел и бодро зашагал в распахнутые ворота. На пороге стоял хозяин.

Первые слова, которые услышал Ермолов от Пушкина, это:

— Мне стыдно было бы, если бы я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым!

Было это в Орле утром 5 мая 1829 года.

— Счастлив принимать в Орле нашего дорогого Пушкина, нашего славного поэта, — ответил Ермолов.

Далее следовало назвать гостя по

ся верный слуга Ксенофонт. Ермолов выразительно посмотрел на него.

— Слушаюсь, — поклонился слуга. Через несколько минут пришёл, неся бутылку шампанского, бокалы, конфеты, расположил молча на столе и молча удалился.

Хозяин встал: — За встречу и в память о дорогом нашему сердцу Грибоедове. Россия его не забудет.

Потом подняли тост за Россию. Стали ближе друг другу, потянуло на откровенный разговор о пережитом.

— Спасибо, что вспомнили обо мне в «Кавказском пленнике», — не ожидая...

...слышал Ермолов благодарно глядя в Смирись, Кавказ! Идет Ермолов, — ответил Пушкин строкой из поэмы.

— Да, — вздохнул Ермолов. — Когда то мы были нужны властям. Ныне одни в Сибири кандалами гремят, другие...

И спросил тихо, глянув глаза: — Помните их?

— Помню! — ответил так же тихо Пушкин. Придвинулся и заговорил стихами...

Почти через месяц после отъезда А.С. Пушкина из Орла, 4 июня 1829 года, пристав 3-й части, где жил А.П. Ермолов (ныне территория Советского района), доносил в Петербург, что «чиновника Александра Пушкина... по тщательному моему и квартальных надзирателей розыскам в подведомственной мне части не оказалось».

Поездка великого поэта через Орёл содержит столько тайн, что хватит на поиск краеведам многих поколений. Приоткрывает завесу редактор журнала «Русский архив» П.И. Бартев. Когда Ермолов переехал на жительство в Москву, он поспешил к знаменитому полководцу. В разговоре заметил Алексею Петровичу, что его беседа с Пушкиным была занимательна.

— Очень, очень и очень! — ответил «с одушевлением» Ермолов.

И ещё добавил, что принимал поэта со всем должным ему уважением. Тогда же полководец, по словам Бартева, произнёс ставшую крылатой фразу: «Поэты — суть, гордость нации».

Василий КАТАНОВ.

Видимо, думая об этом, Пушкин ввёл в разговор тему «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Быть может, увидел тома у хозяина кабинета. Ермолов сказал:

— Я желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу.

Поэт догадался, что речь идёт уже не столько о Карамзине, сколько о взглядах самого Ермолова на роль летописца. Пушкин заметил:

— Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей...

Говорили о Кавказе, горцах, вспомнили Грибоедова, его гибель. Темнее тучи был генерал, когда говорил:

— Я делал всё, что мог, но увя. Отняли у человека жизнь в самом расцвете. Не уберечь, не заботы уберечь. А вель в

Видимо, думая об этом, Пушкин ввёл в разговор тему «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Быть может, увидел тома у хозяина кабинета. Ермолов сказал:

— Я желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу.

Поэт догадался, что речь идёт уже не столько о Карамзине, сколько о взглядах самого Ермолова на роль летописца. Пушкин заметил:

— Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей...

Говорили о Кавказе, горцах, вспомнили Грибоедова, его гибель. Темнее тучи был генерал, когда говорил:

— Я делал всё, что мог, но увя. Отняли у человека жизнь в самом расцвете. Не уберечь, не заботы уберечь. А вель в

Видимо, думая об этом, Пушкин ввёл в разговор тему «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Быть может, увидел тома у хозяина кабинета. Ермолов сказал: